

Социальное и экономическое развитие

М. С. Ковлягин

Формирование национальной интеллигенции у аборигенов Нарымского края в 1920-е – 1930-е годы.

1920-е – 1930-е годы стали периодом масштабной модернизации страны. В сфере национальной политики это выразилось в попытках ускоренного развития традиционных обществ народов Кавказа, Средней Азии, Сибири и Севера. Модернизация осуществлялась по трем направлениям: административному, социокультурному и экономическому. В советской исторической науке этот процесс получил название социалистического строительства, или советизации. Основной чертой преобразований в административной сфере стало создание автономных областей и республик, в социокультурной – формирование системы образования, учитывавшей местные традиции и обычаи, подготовка кадров из среды национальных меньшинств, коренизация советского и партийного аппаратов, организация системы здравоохранения в районах проживания коренного населения. В экономической области ставка делалась на создание коллективных хозяйств и простейших производственных объединений, например, промысловая артель.

Советскими североведами (М. Е. Будариным¹, Л. Е. Киселевым², И. П. Клещенком³, Н. Т. Онищук⁴, В. Н. Увачаном⁵) исследовался процесс создания интеллигенции у коренных народов Севера. Но авторы автоматически привязывали срок создания национальной интеллигенции к общей картине формирования советской интеллигенции. В связи с этим ими сделан неверный вывод об ее образовании к началу Великой Отечественной войны. В целом история становления интеллигенции у народов северных районов Сибири освещена слабо. Основное внимание исследователи уделяли деятельности Института народов Севера (ИНС), подчеркивая его ведущую роль. Остальные вопросы подготовки кадров из числа аборигенного населения рассматривались поверхностно и упрощенно.

Специальных трудов по проблеме создания корпуса национальных кадров мало. Первыми среди них стали статьи, посвященные функционированию

---

¹ Бударин М. Е. Путь малых народов Севера к коммунизму. Омск, 1968.

² Киселев Л. Е. От патриархальщины к социализму. Свердловск, 1974.

³ Клещенко И. П. Исторический опыт КПСС по осуществлению ленинской национальной политики среди малых народов Севера. М., 1972.

⁴ Онищук Н. Т. Советы Нарымского края в борьбе за социалистическое строительство у малых народностей Крайнего Севера: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1965.

⁵ Увачан В. Н. Годы, равные векам (Строительство социализма на Енисейском Севере). М., 1984.

Ковлягин Максим Сергеевич, соискатель Института истории СО РАН. E-mail: zealot@ngs.ru

© М. В. Ковлягин, 2012

Института народов Севера¹. К специальным исследованиям можно отнести работу Ч. М. Таксами. Он рассматривает деятельность, структуру, изменения, которые претерпел ИНС на протяжении своего существования, национальный состав студентов, трудности, возникавшие при их обучении, роль сотрудников института в создании письменности у аборигенов Севера². Но его исследование носит описательный характер, ряд вопросов остался неизученным.

И. И. Осинский говорит об источниковом характере первых работ, посвященных исследованию проблемы подготовки национальных кадров. Особенностью формирования национальной интеллигенции, по его мнению, являлось ее малое наличие в дореволюционное время³. П. Н. Иванов отстаивает другую точку зрения: «Отсутствие специалистов старой школы из числа национальных меньшинств снимало проблему использования старых кадров. Поэтому ускоренная подготовка кадров из местного населения являлась неотложной задачей партийных органов»⁴.

В постсоветский период создание школьной системы и корпуса национальной интеллигенции наиболее полное отражение получило в работах Л. В. Алексеевой⁵. Ею освещены основные принципы политики советской власти в социокультурной сфере, описаны сюжеты, связанные с формированием сети образовательных учреждений, предназначенных для обучения детей коренных народов и подготовки национальных кадров. Кроме того, в начале XXI в. вышел ряд сборников статей сибирских ученых по различным проблемам национально-культурной политики в Сибири⁶. Необходимо отметить издание во второй половине 1990-х гг. сборников по истории Томской области. В них наряду с работами краеведческого характера присутствуют статьи, анализирующие проблемы социокультурного строительства⁷.

---

¹ Рахманин Г. В. Институт народов Севера // Сов. Север. 1931. № 5.

² Таксами Ч. М. От таежных троп до берегов Невы. Л., 1976.

³ Осинский И. И. Формирование социалистической интеллигенции в национальных районах Сибири // Историография культуры и интеллигенции Советской Сибири. Новосибирск, 1978. С. 335.

⁴ Иванов П. Н. Развитие культуры... С. 86.

⁵ Алексеева Л. В. Национальные кадры в северных районах Уральской области в начале 1930-х гг. // Культура и интеллигенция советской провинции в XX веке: матер. регион. науч. конф. Новосибирск, 2000; Она же. Социокультурная политика советской власти на Обь-Иртышском Севере в 1917–1941 гг.: приоритеты, формы осуществления и результаты. Екатеринбург, 2003.

⁶ Национально-культурная политика в Сибирском регионе в XX веке. Новосибирск, 2004; Советская культурная политика и практика реализации в Сибирском регионе: Очерки истории. Новосибирск, 2006.

⁷ Земля Парабельская: сборник научно-популярных очерков к 400-летию Нарыма. Томск, 1996; Земля Каргасокская: сборник научно-популярных очерков. Томск, 1996; Земля Александровская: сборник научно-популярных очерков к 75-летию образования Александровского района. Томск, 1999; Земля Колпашевская: сборник научно-популярных очерков. Томск, 2000.

Одной из первоочередных задач, вставших перед советской властью, являлось формирование национальных кадров, которые стали бы проводником политики советской власти на местах. Каких-либо попыток в этой сфере в исследуемом регионе царской властью не предпринималось. Одним из важных направлений построения системы образования стало открытие в техникумах и рабфаках Томска, Тобольска, Иркутска, Хабаровска и других сибирских и дальневосточных городов северных отделений для подготовки специалистов с высшим и средним образованием из числа коренных народов Севера. В 1927–1928 гг. при Томском рабфаке было организовано Северное отделение, где в первый год обучалось 16 северян и девять представителей других сибирских национальностей¹, во второй – 25 студентов, в 1930 г. – 18², в 1930–1931 гг. – 21 студент³. Кроме аборигенов из Нарымского края, здесь обучались «туземцы» из Томского, Киренского, Иркутского, Тулунского и Тобольского округов⁴. В 1928 г. Томский Комитет Севера приступил к организации при Томском педагогическом техникуме курсов североведения на 6 чел.⁵ 29 февраля 1929 г. Комитет Севера при ВЦИК возбудил этот вопрос перед Наркоматом Просвещения, но из-за недостатка средств эта инициатива не была реализована⁶. 1 октября 1930 г. при Томском педтехникуме планировалось открыть подготовительное национальное отделение для представителей северных народов. Никакой организационной работы для его создания со стороны местных властей не велось⁷, но в дальнейшем он упоминается в документах как действующее учреждение. Такое же отделение создавалось при Иркутском пушно-меховом институте⁸.

Осенью 1930 г. Комитет Севера при ВЦИК внес предложение ликвидировать только что открытое «туземное» отделение в Томске и организовать подготовку кадров исключительно в Иркутске. Наиболее вероятными причинами этого предложения представляются сокращение расходов и сосредоточение студентов-аборигенов в меньшем количестве учебных заведений. Томский комитет Севера указал на нецелесообразность отправки нарымских остяков в Иркутск. Другой причиной отказа от инициативы центрального КС служило то, что «политтехникум при Институте Пушного хозяйства будет базироваться на основе хозяйства туземцев Туруханского края и Дальневосточного края»⁹.

Для усиления работы по «туземному» направлению ТКС предлагал изучить

---

¹ ГАРФ. Ф. Р-3977. Оп. 1. Д. 551. Л. 15.

² Там же. Д. 587. Л. 8.

³ Там же. Л. 31.

⁴ Там же. Д. 465. Л. 235.

⁵ Там же. Д. 551. Л. 15.

⁶ Там же. Д. 465. Л. 183.

⁷ Там же. Д. 587. Л. 10.

⁸ Увачан В. Н. Годы, равные векам... С. 104.

⁹ ГАРФ. Ф. Р-3977. Оп. 1. Д. 587. Л. 10.

возможность слияния подготовительных аборигенных отделений при Томском рабфаке и педтехникуме. Другой мерой выступало изыскание местных преподавательских ресурсов и требование проработать учебные планы, сориентировав их на практическую работу¹. На подготовительное отделение педтехникума принимали представителей аборигенного населения в возрасте от 15 до 30 лет после трех – четырех лет учебы в школе, активистов зачисляли до окончания ими школы. От русских абитуриентов требовалось знать «туземный» язык и окончить семилетнюю школу².

За первые три года существования Северного отделения при Томском рабфаке поставленные цели достигнуты не были. Успеваемость учащихся оставляла желать лучшего: из 16 аборигенов, принятых в 1928 г., весной 1929 г. назад откомандировано 9 чел.³ В письме руководства Томского рабфака в Запсибкрайисполком (ЗСКИК) от 8 июля 1929 г. говорится, что из-за слабой подготовки и позднего набора группы с подготовительного отделения на первый курс не был переведен ни один абориген⁴. В разверстке приема студентов на 1930–1931 гг. приводятся следующие сведения: только 9 из 21 студента перешли на следующий курс, 2 чел. находились под угрозой отчисления, студентку Распоницу предполагалось отчислить по причине заболевания туберкулезом⁵. По сообщению Томского комитета Севера (ТКС) в Комитет Севера при ВЦИК, в 1929–1930 гг. основная масса учащихся не имела теплой одежды, не получала горячей пищи, добавочного снабжения, 9 чел. желали прекратить обучение. В результате принятых мер эти недостатки были устранены. На улучшение материального положения отпущено только 7 тыс. руб.⁶ Однако этого явно не хватало на покрытие всех издержек по материальному обеспечению студентов.

Сотрудники ТКС признавали учебный план Северного отделения «не отвечающим запросам текущей жизни». Для улучшения работы предлагалось реорганизовать его «в учебное заведение республиканского значения, подготовляющего работников по отдельным практическим вопросам»⁷. Функционирование рабфака и его учебно-методическая программа виделись работникам ТКС в форме техникума. Для ликвидации подготовительного отделения планировалось поставить перед интернатами условие присылать только подготовленных кандидатов. В 1929/30 уч. г. рабфаку не были отпущены средства на повышение стипендии с 10 до 18 руб.⁸ В 1930–1931 гг. размер стипендии составлял 27 руб., но

¹ ГАРФ. Ф. Р-3977. Оп. 1. Д. 587. Л. 10 об.

² Там же. Л. 28.

³ Там же. Д. 465. Л. 235.

⁴ ГАНО. Ф. Р-354. Оп. 1. Д. 230. Л. 73.

⁵ ГАРФ. Ф. Р-3977. Оп. 1. Д. 587. Л. 31.

⁶ Там же. Д. 551. Л. 10.

⁷ Там же. Л. 8.

⁸ Там же. Д. 587. Л. 5.

после оплаты различных услуг (проживание в общежитии и т. д.) на весь месяц оставалось 3–4 руб.¹

В середине 1920-х гг. Ленинград становится всесоюзным центром подготовки квалифицированных национальных кадров из числа коренных народов Севера. В 1925 г. при рабфаке ЛГУ была организована северная группа из 25 чел. – 19 северян и семь представителей сибирских и поволжских народностей. В 1926 г. был организован рабфак Ленинградского института живых восточных языков (ЛИЖВЯ), состоявший из трех отделений: советского, кооперативного и педагогического².

Материалы рабфака, отложившиеся в ГАРФ в фонде КС при ВЦИК, сообщают о трех студентах с Томского Севера, начавших обучение на рабфаке: Т. Вогулькине, М. Волковой и А. Иглякове. В 1927 г. рабфак был переименован в Северный факультет (Севфак, СФ) Ленинградского Восточного института (ЛВИ, бывший ЛИЖВЯ)³, куда ТКС направил четырех аборигенов – А. М. Прасину, В. А. Вогулькина, В. М. Чеболина и Т. П. Низуркина⁴. В 1928–1929 гг. в ЛВИ было командировано семь «туземцев»⁵, в 1929–1930 гг. – 12, из прежде обучавшихся не поехало 2 чел.⁶ Одной из основных черт набора представителей коренных народов в вузы служил принцип рекомендации того или иного кандидата не по критерию образовательного уровня, но с учетом его здоровья и наличия хоть какого-то понимания будущим абитуриентом целей и задач новой власти.

Всего в 1927 г. на Севфаке училось 66 чел., учащиеся командировались на рабфак через местные комитеты Севера. С 1926 по 1930 г. на рабфак было направлено 70 представителей аборигенов Севера, Сибири и Дальнего Востока. В целях подготовки работников из представителей коренных народов Севера на СФ рекомендовалось принимать тех, кто сохранил живую и непосредственную связь «с родным племенем и знание родного языка», из наиболее отдаленных районов, не подвергнувшихся русскому влиянию⁷. Для студентов из местностей, слабо охваченных сетью общеобразовательных школ, предусматривалось годовичное подготовительное отделение при их поступлении на рабфак⁸.

Вместе с тем в деятельности Северного факультета существовали значительные трудности, которые освещены в записке одного из работников факультета, написанной не позднее 1929 г. По его мнению, от развала в первые годы факультет «спасся благодаря жизненности своей установки, студенчеству и

¹ ГАРФ. Ф. Р-3977. Оп. 1. Д. 587. Л. 40.

² Алексеева Л. В. Социокультурная политика советской власти... С. 115–116.

³ Там же. С. 116.

⁴ ГАРФ. Ф. Р-3977. Оп. 1. Д. 551. Л. 24.

⁵ Там же. Л. 15.

⁶ Там же. Л. 8.

⁷ ГАНО. Ф. Р-354. Оп. 1. Д. 181. Л. 33.

⁸ Там же. Д. 243. Л. 39.

группе преподавателей-североведов». Одной из основных проблем при функционировании факультета являлась некомпетентность руководства: «Особенно ярко дефекты неумелого руководства выявляются при настоящем зав. факультетом т. Лозовском. Не имея ни малейшего понятия о необходимом направлении и дальнейших перспективах Севфака, он ограничивается мелким (при том сплошь и рядом весьма грубым) администрированием, а учебная работа остается в загоне»¹.

Отрицательные результаты деятельности педагогического персонала не замедлили сказаться: «Исключительная двуличность Потапова (ответственный за воспитательную часть) и солдафонство Лозовского довело дело до того, что в течение года значительно пала как общая, так и учебная дисциплина... незаметна целеустремленность». Всем учебным делом руководила некая Петровская, по образованию педагог по работе с дошкольниками². Частая смена руководства факультета (за время существования СФ на посту заведующего сменилось 6 чел.) тоже не могла стать залогом успешной работы³.

В докладе члена Комитета Севера при ВЦИК С. В. Керцелли о работе Северного факультета от 25 января 1929 г. выделены следующие проблемы функционирования Севфака:

1. Непонятна цель создания Севфака и принципов его деятельности (школа или вуз);
2. Нужно сделать установку на подготовку высококвалифицированных работников для «туземных» районов, поэтому командирование на СФ неграмотных школьников не приветствуется. Пестрый национальный состав, разные возрасты студентов тоже не служили фактором, облегчавшим преподавание;
3. Рабфак не имел собственной сметы, не преподавался ряд предметов, подвергались сокращению промысловые дисциплины. Для ликвидации этих недостатков предлагалось подчинить Северный факультет Комитету Севера при ВЦИК;
4. Из-за безответственного подхода к подбору кандидатов в числе слушателей оказались 15 чел. «неспособных к умственной деятельности», на местах не производилось отбора по здоровью;
5. Плохая работа мастерских;
6. Для преподавания аборигенных языков из-за дробности языковых групп (2–3 чел.) пришлось выделить целый день;
7. Из-за отсутствия воспитателей после окончания занятий вся масса учащихся оказывалась предоставленной самой себе;
8. Шестилетнее пребывание в Ленинграде отрывало представителей коренного населения от родной среды;
9. Преподавание промысловых предметов находилось «в загоне»⁴.

---

¹ ГАРФ. Ф. Р-3977. Оп. 1. Д. 340. Л. 64.

² Там же. Л. 64 об.

³ Там же. Л. 107.

⁴ Там же. Л. 72 об.

Одновременно руководством предпринимались попытки отстранить от преподавательской деятельности отдельных преподавателей-североведов, невзирая на их заслуги и авторитет. Так, 4 июня 1928 г. на заседании факультета заведующий Смык предложил запретить преподавать одному из основателей факультета профессору В. Г. Богораз-Тану¹. Отсутствие собственной сметы приводило к нецелевому расходованию институтом денег, выделенных для Севфака². На всем протяжении существования Севфака в составе ЛВИ речь шла не о нормальном функционировании, а о выживании, стремлении отстоять внутреннюю автономию по отношению к руководству института.

При расширении сети образовательных учреждений остро встала проблема обеспечения новых школ квалифицированными кадрами. Для достижения этой цели планировалось включить в план работы Главпрофобра организацию на государственные средства туземных подготовительных отделений с общежитиями при Архангельском педтехникуме, Омском художественно-промышленном техникуме, Томском политехникуме им. Тимирязева, Красноярском фельдшерско-акушерском техникуме, Тобольском, Якутском и Хабаровском педтехникумах для подготовки инструкторов кустарных промыслов Севера. В этих учебных заведениях учреждались северные отделения, существовала практика материального поощрения студентов-«туземцев», желавших изучить традиционные отрасли народного хозяйства Севера³.

В целях привлечения работников просвещения педагогическому персоналу школ Крайнего Севера назначалась повышенная зарплата, которая периодически увеличивалась за каждые три года работы в туземных школах, сокращался срок выслуги пенсии, раз в три года предоставлялся продолжительный отпуск, предусматривался ряд мероприятий по повышению квалификации⁴. В 1928 г. в Москву на курсы переподготовки были командированы заведующий Широковским интернатом П. А. Афанасьев и учительница А. А. Истегичева⁵. Летом 1928 г. в Томске работали курсы по переподготовке учителей «туземных» школ Севера Сибири, Урала и Коми-Пермяцкого автономного округа, среди слушателей присутствовало девять педагогов из Нарымского края.

В январе 1929 г. состоялось совещание при Томском окроно по вопросу о результатах курсов. В качестве их основного недостатка было признано отсутствие специального действующего отделения для подготовки и переподготовки педагогов. Отчетливо назрела необходимость разработки программы курсов и включения в штат окроно инструкторов-методистов по «туземным» школам.

---

¹ ГАРФ. Ф. Р-3977. Оп. 1. Д. 340. Л. 120.

² Там же. 64 об.

³ ГАНУ. Ф. Р-354. Оп. 1. Д. 124. Л. 2.

⁴ Там же. Л. 2 – 2 об.

⁵ ГАРФ. Ф. Р-3977. Оп. 1. Д. 551. Л. 25.

Кроме того, совещание отметило целесообразность созыва ежегодных конференций в одном из интернатов, улучшение снабжения учителей учебно-методической литературой и их материальных условий¹.

Последний пункт на протяжении всех 1920-х гг. оставался камнем преткновения для Комитета Севера при ВЦИК и комитетов на местах. В 1926/27 уч. г., по сведениям председателя ТКС Карелова, в школе-интернате «Вертэ-Кос» зарплата заведующего составляла 100 руб., педагога – 52 руб. 20 коп.² 5 октября 1931 г. заведующий интернатом «Вертэ-Кос» И. К. Любимов сообщал в ТКС, что заведующий Колпашевской школы колхозной молодежи получал 350 руб., преподаватель – 250 руб., «в Александровской ШКМ административные ссыльные получают больше»³.

В ходе подготовки кадров для осуществления преобразований среди аборигенного населения Среднего Приобья возник ряд трудностей, вполне характерных для начального этапа советизации. Основными препятствиями для обеспечения учреждений квалифицированными кадрами из среды коренных народов являлось отсутствие грамотных молодых людей, нехватка финансирования⁴, отсутствие материальной базы для организации учебного процесса и проживания студентов, проблемы с адаптацией к новым условиям. Уехав на каникулы, многие не возвращались, так как не могли оторваться от хозяйственных проблем⁵. Сами аборигены, как писал заведующий аборигенной школой-интернатом «Вертэ-Кос» И. К. Любимов в учебно-методологическом плане от 22 августа 1931 г., не изъявляли желания стать учителями, мотивируя это непрестижностью профессии педагога, низкой заработной платой⁶.

Заключительным этапом формирования системы образования и подготовки национальной интеллигенции стало выделение Северного факультета при ЛИЖВЯ в самостоятельный Институт народов Севера при ВЦИК 4 февраля 1930 г. Целями работы новообразованного учебного заведения являлись:

– подготовка из среды трудящегося населения северных окраин работников для советского строительства, кооперативно-хозяйственной работы, кустарно-промышленного дела и культурного строительства;

– организация научно-исследовательской разработки социально-экономических и культурных проблем Советского Севера.

В соответствии с заявленными целями в ИНС учреждались следующие отделе-

---

¹ ГАРФ. Ф. Р-3977. Оп. 1. Д. 465. Л. 249–250.

² ГАНО. Ф. Р-354. Оп. 1. Д. 52. Л. 57.

³ ГАРФ. Ф. Р-3977. Оп. 1. Д. 708. Л. 47.

⁴ ГАНО. Ф. Р-354. Оп. 1. Д. 181. Л. 41.

⁵ Там же. Д. 201. Л. 11 – 11 об.

⁶ ГАРФ. Ф. Р-3977. Оп. 1. Д. 708. Л. 52 об.

ния: советско-партийного, кооперативно-хозяйственного, кустарно-промыслового и культурного строительства, подготовительное отделение сохранялось в качестве временной меры. При институте был организован Северо-Азиатский семинарий для подготовки из среды туземцев квалифицированных педагогов, работников по разработке туземной письменности, а также специалистов газетно-журнального и книжного дела на туземном языке. Кроме того, в число вспомогательных учреждений ИНС входила ассоциация научно-исследовательской работы, которая ставила целью изучение Севера силами учащихся¹.

Однако из-за низкого уровня абитуриентов структура института несколько трансформировалась. В его составе действовало одногодичное подготовительное отделение, готовившее аборигенов к поступлению на первый курс. Северо-Азиатский семинарий и научная ассоциация остались на бумаге, функционировали только советско-партийное, кооперативно-колхозное и педагогическое отделения. На данном этапе развития ИНС являлся обычным техникумом из-за несоответствия учебно-методических программ и структуры образовательного процесса². Аборигены, командированные в ИНС местными комитетами Севера, мало чем отличались по уровню подготовки от отправленных на различные рабфаки. Например, в списке студентов ИНСа за 1933–1934 уч. г. фигурируют Иван Аргусов и Иван Карелин, проучившиеся в Максимоярловском интернате два года и один год, соответственно³.

Из-за малой численности подготовленных кадров студентов ИНСа и других учебных заведений, в том числе не завершивших обучение, охотно принимали в различные советские, торговые и другие организации. С целью стабилизации положения в сфере обучения аборигенных кадров Нарымский окрисполком по инициативе уполномоченного по делам нацменьшинств Ильясова издал 23 июля 1934 г. циркуляр, согласно которому студенты, бежавшие из образовательных учреждений, должны были направляться на промыслы⁴.

В 1932–1933 гг. Нарымский окрисполком командировал в ИНС 14 чел. В 1933–1934 гг. на учебу было послано еще 15 аборигенов⁵. В 1936–1937 гг. в ИНС и на рабфак было командировано 24 чел. В 1938 г. в ИНС отправлены три аборигена⁶. К 1938 г. в аборигенных школах Нарымского округа работало пять педагогов, окончивших ИНС, что было явно недостаточно для обеспечения «туземных» школ необходимым количеством учителей⁷. За первую половину 1930-х гг. из различных учебных заведений Нарымский округ получил толь-

---

¹ ГАНО. Ф. Р-354. Оп. 1. Д. 289. Л. 8.

² Алексеева Л. В. Социокультурная политика... С. 118.

³ ГАРФ. Ф. Р-3977. Оп. 1. Д. 941. Л. 1–5.

⁴ Цит. по: *Вехи патернализма...* С. 335–336.

⁵ ГАТО. Ф. Р-588. Оп. 1. Д. 138. Л. 43.

⁶ Там же. Д. 541. Л. 4.

⁷ Там же. Л. 4.

ко 16 чел., что явно не могло покрыть кадровый голод и обеспечить образовательные структуры квалифицированными работниками (см. табл. 1).

На рубеже 1920-х – 1930-х годов появляется проблема оторванности студентов, посланных на учебу в центральные вузы, от родной среды. В учебно-методологическом плане школы «Верте-Кос» от 22 августа 1931 г. Иван Любимов приводит следующее описание студента ИНСа: «Трофим Вагулькин – студент ИНС, элегантно одетый, интеллигентный по манерам, с остяками проводит только официальную работу, в быту только с русскими, с русской молодежью, с остяками не разговаривает, на пристани, в присутствии многих даже с отцом не здоровается, не замечает его, отворачивается. Такие же примеры, правда, с разными оттенками наблюдаем от каждого студента-горожанина»¹. Для устранения этого явления И. К. Любимов предлагал организовать в Нарымском крае аборигенный техникум².

Таблица 1

Подготовка аборигенных кадров по Нарымскому округу
на 1 сентября 1935 г., чел.*

Наименование учебных заведений	Учатся	Окончили	Продолжают обучение
Техникум	49	–	49
ИНС	27	8	19
Центральные курсы советского строительства	11	8	3
Рабфак	11	–	11
Центральные курсы физкультурников	2	–	2
ТГУ	1	–	1
<i>Всего</i>	101	16	85

* Составлена по: ГАТО. Ф. Р-588. Оп. 1. Д. 121. Л. 42.

С целью сокращения дефицита квалифицированных педагогов для аборигенных школ в 1932 г. был создан Колпашевский педтехникум путем перевода «туземного» отделения Томского педтехникума в г. Колпашево с переподчинением его Нарымскому округу³. Документы не содержат сведений о правилах приема в педтехникум, мы можем предположить, что они остались идентичными требованиям приема на остяцкое отделение Томского педтехникума. При подготовке учителей из среды аборигенов власти делали ставку на внут-

¹ ГАРФ. Ф. Р-3977. Оп. 1. Д. 708. Л. 50 об.

² Там же.

³ ГАТО. Ф. Р-591. Д. 26. Л. 39.

ренные ресурсы. Педагогический техникум состоял из пяти курсов: подготовительный, первый остяцкий, второй остяцкий, первый русский, второй русский¹.

По сведениям уполномоченного по делам нацменьшинств Ильясова, содержащимся в докладе в ЗСКИК от 20 ноября 1933 г., в 1932/33 уч. г. в Колпашевском педтехникуме обучалось 57 «туземцев»². Данные инспектора по делам нацменьшинств Исакова свидетельствуют о 47 студентах-аборигенах в 1933–1934 гг.³ По информации в докладной записке о состоянии работы с коренным населением от 1 июля 1934 г., в этот срок в техникуме училось 33 «туземца»⁴. 7 декабря 1934 г. при педтехникуме начали действовать десятимесячные курсы по подготовке учителей, в 1936–1937 гг. на них обучалось 30 чел.⁵ Численность курсантов за остальные годы источники не содержат. Имелось заочное отделение, обучение в техникуме продолжалось три года⁶.

15 февраля 1935 г. в педтехникуме обучалось 126 студентов, из них 49 остяков, 65 русских и 12 представителей других национальностей⁷. К 1936–1937 гг. местные власти ожидали получить из техникума 10 педагогов-аборигенов⁸. По более оптимистичным прогнозам, число выпускников техникума должно было составить 30 чел.⁹ Но в 1935–1938 гг. педтехникум выпустил только 15 аборигенов, которые затем работали в «туземных» школах Нарымского края¹⁰. Одной из причин этого выступало то, что наиболее перспективные выпускники продолжали свое обучение в ИНСе или других вузах. Так, в 1939 г. два выпускника были отправлены на обучение в ИНС и два – в Томский пединститут¹¹.

В самом начале своего функционирования Колпашевский педагогический техникум столкнулся с вполне ожидаемыми материальными и финансовыми трудностями. Зарплата, установленная преподавателям, не отвечала реальной нагрузке, о чем Нарымскому окротделу Сибирского комитета Севера в 1934 г. сообщал заместитель директора техникума Колесников. Слияние вторых остяцкого и русского курсов с целью уменьшения учебных часов не являлось выходом, так как существовали значительные различия в их программах. Претворение в жизнь этого варианта привело бы к тому, по словам Колесникова, чтобы

---

¹ ГАТО. Ф. Р-591. Д. 26. Л. 27.

² ГАРФ. Ф. Р-3977. Оп. 1. Д. 946. Л. 26.

³ ГАТО. Ф. Р-588. Оп. 1. Д. 57. Л. 115 об.

⁴ Там же. Д. 121. Л. 41.

⁵ Там же. Д. 478. Л. 43.

⁶ *Малиновская С. М.* Формирование политики национального просвещения... С. 102.

⁷ ГАТО. Ф. Р-588. Оп. 1. Д. 121. Л. 41.

⁸ Там же. Л. 12.

⁹ Там же. Д. 57. Л. 152.

¹⁰ Там же. Д. 541. Л. 4.

¹¹ *Хамичев А.* Куда едут работать выпускники педучилища // Советский Север. 1939. 4 июня. С. 2.

«вообще отказаться от названия Остяцкого педтехникума и назвать его вообще техникумом»¹. Двухэтажное здание техникума, выстроенное в 1933 г., по сведениям председателя Нарымского окрисполкома Макарова, содержащимся в записке в Запсибкрайисполком от 1936 г., не соответствовало стандартам².

Увеличение выпуска педагогических кадров тормозилось неподготовленностью студентов к учебе в техникуме. В отчетном докладе педтехникума за 1933/34 уч. г. отмечено, что «учащиеся II-го курса не имеют навыки самостоятельного изложения, письменной и устной речи ... есть случаи незнания десятичных, простых дробей...». Это потребовало от руководства изменить учебную программу, адаптировав ее к реальным условиям. Отставание объясняется недостаточным уровнем образования студентов. Из 127 учащихся в 1934/35 уч. г. четыре класса закончило 32 чел., пять – шесть – 50, семь – 40 чел. Основная масса учащихся не имела семилетнего образования, на которое, возможно, был рассчитан второй курс³.

Рассмотрев состав учащихся, обратимся к педагогическому корпусу техникума. В 1933/34 уч. г. образовательное учреждение испытывало нехватку в преподавателях истории, педагогики, физкультуры, изобразительного искусства и родного языка⁴. В 1935 г. проблема была решена, преподавательский персонал состоял из 11 чел., директором являлся бывший заведующий школой-интернатом «Вергэ-Кос» И. К. Любимов. Педагогический стаж большинства преподавателей превышал 15 лет. По национальности все, кроме карела Любимова, являлись русскими, приехавшими в основном из разных регионов РСФСР. Один преподаватель ранее жил в Томске (педагогический стаж – шесть лет) и один – в Колпашево (два года). Носителями «туземного» языка являлись Любимов и приехавший из Ленинграда педагог В. Д. Петряков, имевший один год педагогического стажа⁵. При изучении структуры техникума, состава учащихся и педагогического персонала можно сделать вывод, что такое образовательное учреждение после ликвидации всех материальных и финансовых проблем могло успешно готовить кадры для русских школ, но не для «туземных».

Обстановка в техникуме в первой половине 1930-х гг. была не самой радужной. В отчете о состоянии школ и воспитательной работы в Нарымском округе за 1934 г. приводится следующий факт: «Группа студентов Нарымского остяцкого педтехникума во главе с б/беспризорником Кузнецовым и при содействии ссыльного организовали шайку воров под названием “СОВЕТСКОЕ ОБЩЕСТВО”, ограбили трех человек, украли в СПШ (Совпартшкола. – прим. М. К.) три винтовки ТОЗ,

¹ ГАТО. Ф. Р-591. Оп. 1. Д. 26. Л. 27.

² Там же. Ф. Р-588. Оп. 1. Д. 393. Л. 12.

³ Там же. Д. 279. Л. 26.

⁴ Там же. Ф. Р-591. Оп. 1. Д. 26. Л. 41.

⁵ Там же. Ф. Р-588. Оп. 1. Д. 279. Л. 27.

один наган, в педтехникуме три пары лыж, один револьвер у осодмольца и обокрали лавку центроспирта»¹.

В 1939 г., «после того, как было разгромлено вражеское руководство и училище укрепили проверенными высококвалифицированными кадрами партийными и непартийными большевиками, оно стало служить примером среди учебных заведений округа, как нужно преподавать и овладевать знаниями»². Очевидно, имела место чистка кадров училища и, как в случае с Широковским интернатом, на место опытных педагогов власти поставили «своих» людей. Продолжалось сращивание административных и партийных постов. Так, директор Хамичев возглавлял партийную организацию училища³. Одновременно сокращается набор «туземцев» в различные педагогические образовательные учреждения. По информации Нарымского окрисполкома, по состоянию на 20 августа 1938 г. во всех педучилищах училось только 28 остяков⁴. Таким образом, с конца 1930-х гг. Колпашевское педагогическое училище перестает быть учебным заведением, ориентированным на выпуск кадров для аборигенных школ.

Трудности с укомплектованием учебных заведений подготовленными студентами проистекали и из самой системы массового набора аборигенов. В учебно-методологическом плане «Вертэ-Кос» от 22 августа 1931 г. И. К. Любимов указывает, что Томскому рабфаку было предоставлено 20 мест, Томскому педтехникуму – 5, интернату «Вертэ-Кос» – 40, ИНС – 7, курсам ликвидаторов неграмотности – 30 мест, на курсы секретарей сельсоветов планировалось набрать 20 чел.⁵ Стремясь выполнить план, местные организации посылали на учебу любого «туземца», умевшего хоть немного читать и писать.

Пройдя первый этап отчуждения от устоев традиционного общества в школе, абориген попадал в высшее учебное заведение, где этот отрыв еще больше увеличивался. В 1920-е гг. «туземцу» на рабфаке, в техникуме или институте давали образование, в 1930-е гг. – готовили к определенной работе. Как видно на примере Трофима Вагулькина, студенты из числа коренных народов не стремились вернуться к традиционному промыслу. Основным их желанием становилось занять должность «маленького начальника». Такая же тенденция прослеживалась у принятой в комсомол деревенской молодежи, не желавшей связывать свою жизнь с сельским хозяйством⁶. Культуртрегерская деятельность в мировоззрении студентов уступала желанию сделать карьеру. В итоге

¹ ГАТО. Ф. Р-591. Оп. 1. Д. 40. Л. 12.

² Кузница педагогических кадров // Советский Север. 1939. 9 окт. С. 1.

³ Мамаев А. Педагогическое училище накануне весенних испытаний // Советский Север. 1939. 12 мая. С. 2.

⁴ ГАТО. Ф. Р-588. Оп. 1. Д. 541. Л. 4.

⁵ ГАРФ. Ф. Р-3977. Оп. 1. Д. 708. Л. 50 – 50 об.

⁶ Ожуда Х. «От сохи к портфелю»: деревенские коммунисты и комсомольцы в процессе раскрестьяничания (1920-е – начало 1930-х гг.) // История сталинизма: итоги и проблемы изучения. С. 518.

формировался слой аборигенов-маргиналов, еще придерживавшихся устоев традиционного общества, но активно стремящихся интегрироваться в формирующееся индустриальное сообщество.

Таким образом, формирование корпуса аборигенных кадров на Томском Севере носило неоднозначный характер. Положительным аспектом выступало создание в 1920-х – начале 1930-х годов основ для подготовки квалифицированных специалистов из числа коренного населения, пусть и в ограниченном масштабе. Смена приоритетов национальной политики, о которых говорилось выше, сделала все предыдущие усилия по обучению аборигенных кадров напрасными. Программы ИНС и других учебных заведений перестали соответствовать реальной ситуации в сфере национального строительства. В Нарымском крае, где «туземцы» значительное время проживали рядом с русским населением, уже начался процесс частичного замещения установок традиционного общества ценностями европейской цивилизации. Но платой за это становились потеря этничности, утрата национальных традиций и обычаев.